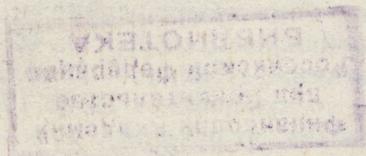

ISSN 0130-1616

ЗНАМЯ

7/96

Сергей ГАНДЛЕВСКИЙ

Мрачная веселость Льва Лосева

Эмма ГЕРШТЕЙН

Неизвестное письмо Анны Ахматовой
Кл. Ворошилову

Александр КУШНЕР

Здесь, на земле...

Новелла МАТВЕЕВА

Мяч, оставшийся в небе

Марсель ПРУСТ

Семь эссе

Вячеслав ПЬЕЦУХ

Государственное дитя

Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

Амок

ИЮЛЬ

Эмма Герштейн

Неизвестное письмо Анны Ахматовой Кл. Ворошилову

(Новые документы из судебного дела Л. Гумилева)

Любое впервые публикуемое письмо выдающегося поэта имеет важное значение для истории литературы. Но это письмо особенное. Оставаясь неизвестным, оно тем не менее служило источником драматических переживаний лишенного свободы Л. Гумилева. Он подозревал мать, что она, минуя высокие инстанции, обратилась прямо в Прокуратуру СССР; что в своей просьбе она не заявляла о его невиновности; в конце концов он пришел к ложному выводу, что никакого ходатайства об его освобождении Ахматова вообще никуда не подавала. Это болезненное чувство обиды отражено в его письмах из лагеря, напечатанных и прокомментированных академиком А. М. Панченко в журнале «Звезда» (1994, № 4) и проанализировано мною в работе «Анна Ахматова и Лев Гумилев...» («Знамя», 1995, № 9). В более ранней статье «Мемуары и факты. Об освобождении Льва Гумилева» («Горизонт», 1989, № 6) я упоминала о предполагаемой причине задержки пересмотра его дела. На это мне намекнули в Военной прокуратуре, куда я ходила по доверенности Анны Андреевны. С начала 1955 года там находилось под особым контролем письмо И. Г. Эренбурга на имя Н. С. Хрущева по тому же делу. Но год назад Ахматова уже получила отказ из Прокуратуры СССР в ответ на ее письмо к Председателю Президиума Верховного Совета СССР — Кл. Еф. Ворошилову. Этот-то отказ и мешал Военной прокуратуре проверять дело Л. Гумилева. Только сегодня мы можем ознакомиться с текстом и судьбой письма Ахматовой и с пространной мотивировкой отказа, подписанной Генеральным прокурором Руденко. За предоставление мне ксерокопии с этого исторического материала из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, фонд 7523, опись 85, дело 251, листы 15—16) я сердечно благодарю Виталия Александровича Шенталинского, автора недавно вышедшей книги «Рабы свободы. В литературных архивах КГБ».

Архитектор Л. В. Руднев — Кл. Ворошилову

624/К13
10.11.54

Многоуважаемый Клемент Ефремович.

Поэт Анна Ахматова очень тяжело переживает разлуку со своим единственным сыном, историком, находящимся в лагере уже 5-й год. И это нехорошо отражается на ее творческой работе.

Я Вас очень прошу, Клемент Ефремович, помочь в горе поэту Ахматовой.

Уважающий Вас

Архитектор Л. Руднев

5 февраля 1954 г.

А. А. Ахматова — Ворошилову

625/1
10.11.54

Руденко Р. А.

Прошу рассмотреть и помочь.

К. Ворошилов.

12-П-54

Глубокоуважаемый Климент Ефремович!

Умоляю Вас спасти моего единственного сына, который находится в исправительно-трудовом лагере (Омск, п/я 125) и стал там инвалидом.

Лев Николаевич Гумилев (1912 г.р.) был арестован в Ленинграде 6 ноября 1949 г. органами МГБ и приговорен Особым Совещанием к 10 годам заключения в ИТЛ.

Ни одно из предъявленных ему на следствии обвинений не подтвердилось — он писал мне об этом. Однако, Особое Совецание нашло возможным осудить его.

Сын мой отбывает срок наказания вторично. В марте 1938 года, когда он был студентом 4-го курса исторического факультета Ленинградского университета, он был арестован органами МВД и осужден Особым Совецанием на 5 лет. Этот срок наказания он отбыл в Норильске. По окончании срока он работал в качестве вольнонаемного в Туруханске. В 1944 году, после его настойчивых просьб, он был отпущен на фронт добровольцем. Он служил в рядах Советской армии солдатом, и участвовал в штурме Берлина (имел медаль «За взятие Берлина»).

После Победы он вернулся в Ленинград, где в короткий срок окончил университет и защитил кандидатскую диссертацию. С 1949 г. служил в Этнографическом музее в Ленинграде в качестве старшего научного сотрудника.

О том, какую ценность для советской исторической науки представляет его научная деятельность, можно справиться у его учителей — директора Государственного Эрмитажа М. И. Артамонова и профессора Н. В. Кюнера.

Сыну моему теперь 41 год, и он мог бы еще потрудиться на благо своей Родины, занимаясь любимым делом.

Дорогой Климент Ефремович! Помогите нам! До самого последнего времени, я, несмотря на свое горе, была еще в состоянии работать — я перевела для юбилейного издания сочинений Виктора Гюго драму «Марьон Делорм», и две поэмы великого китайского поэта Цю-й-юаня. Но чувствую, что силы меня покидают: мне больше 60-ти лет, я перенесла тяжелый инфаркт, отчаяние меня разрушает. Единственное, что могло бы поддержать мои силы — это возвращение моего сына, страдающего, я уверена в этом, без вины.

Анна Ахматова

8 февраля 1954.

Ахматова Анна Андреевна
Ленинград, ул. Красной Конницы, д.4 кв.3, тел. А2-13-42
Москва, Б. Ордынка, д.17 кв. писателя В. Е. Ардова № 13, тел. В1-25-33

Копия с резолюции т. Ворошилова К. направлена т. Руденко Р. А.

12.2.54 (подпись)

Снята одна копия 12.2.54 г.

Секретно

экз. №

6 июля 1954

№ 2/6-50043-49

05445

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР
СОЮЗА ССР
Москва, Пушкинская, 15а

Председателю Президиума Верховного Совета СССР
товарищу К. Е. ВОРОШИЛОВУ

Произведенной проверкой дела по обвинению ГУМИЛЕВА Льва Николаевича установлено, что он 13 сентября 1950 года бывшим Особым Совецанием при МГБ СССР был осужден за принадлежность к антисоветской группе, террористические намерения и антисоветскую агитацию к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

Ранее, 26 июля 1939 года он был осужден Особым Совецанием при НКВД СССР за участие в 1937 году в антисоветской группе к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет.

На следствии в 1949—1950 гг. ГУМИЛЕВ показал, что антисоветские взгляды у него возникли еще в 1933 году под влиянием антисоветски настроенных поэта МАНДЕЛЬШТАМА и отчима ГУМИЛЕВА — ЛУНИНА. Он и ПУНИН сгруппировали вокруг себя единомышленников в лице студентов БОРИНА, ПОЛЯКОВА, МАХАЕВА и к 1934 году у них сложилась антисоветская группа. Практически они на его, ГУМИЛЕВА, квартире неоднократно высказывали различные клеветнические измышления в отношении руководителей Партии и Правительства, охаивали условия жизни в Советском Союзе, обсуждали методы

борьбы против советской власти и вопрос о возможности применения террора в борьбе против Советского правительства, читали стихи контрреволюционного содержания. Он, ГУМИЛЕВ, читал сочиненный им в связи с убийством С. М. Кирова такого же характера пасквиль «Экабатава», в котором возводил гнусную клевету на И. В. Сталина и С. М. Кирова. Он же высказывался за необходимость установления в СССР монархических порядков.

По поводу антисоветской деятельности в период 1945—1948 гг. ГУМИЛЕВ показал, что после освобождения его из места заключения в 1944 году его взгляды оставались враждебными советской власти, он клеветал на карательную политику советской власти, и в антисоветском духе высказывался в отношении отдельных мероприятий ВКП(б) и Советского правительства.

Так, после опубликования постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», он осуждал это постановление, заявлял, что в Советском Союзе нет свободы печати, что настоящему писателю делать нечего, ибо нужно писать так, как приказывают — по стандарту.

Факты антисоветской деятельности ГУМИЛЕВА, изложенные в его показаниях, подтверждаются показаниями ЛУНИНА, БОРИНА, ПОЛЯКОВА, МАХАЕВА, МАНДЕЛЬШТАМА и ШУМОВСКОГО.

В 1951 году ГУМИЛЕВ обращался с просьбой пересмотреть решение по его делу, указывая, что его осуждение явилось результатом отрицательного отношения к его матери — поэтессе АХМАТОВОЙ, а также отрицательного отношения к нему как к молодому ученому-востоковеду.

В пересмотре решения Особого Совещания Главным Военным Прокурором ГУМИЛЕВУ было отказано.

АХМАТОВА в жалобе на Ваше имя написала, что предъявленное ГУМИЛЕВУ Л. Н. обвинение на следствии не подтвердилось, однако это ее утверждение не соответствует действительности.

Исходя из того, что ГУМИЛЕВ Л. Н. осужден был правильно, Центральная Комиссия по пересмотру уголовных дел 14 июня 1954 года приняла решение отказать АХМАТОВОЙ А. А. в ее ходатайстве о пересмотре решения Особого Совещания при МГБ СССР от 13 сентября 1950 года по делу ее сына — ГУМИЛЕВА Льва Николаевича.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ

(подпись)

Р. Руденко

К этим уникальным документам можно прибавить последнюю официальную бумагу по этому делу, уже печатавшуюся мною. Повторим ее, чтобы наглядно убедиться, как тот же генеральный прокурор Р. А. Руденко признал осуждение Л. Гумилева необоснованным. Для такого поворота на 180 градусов понадобился оглушительный доклад Н. С. Хрущева на XX съезде 1956 года.

Прокуратура
Союза Советских
Социалистических Республик
Главная Военная Прокуратура
30 июля 1956 г.
12 № 50043-49
Москва, Центр, ул. Кирова, 41

Гр-ке Герштейн Эмме Григорьевне
Москва Б-93. Б. Серпуховская д.27 кв.67
(для гр-ки Ахматовой А. А.)

Сообщаю, что дело, по которому в 1950 году был осужден ГУМИЛЕВ Лев Николаевич, проверено.

Установлено, что Гумилев Л. Н. был осужден необоснованно.

По протесту Генерального Прокурора СССР от 2 июня 1956 постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 13 сентября 1950 г. в отношении ГУМИЛЕВА Льва Николаевича отменено и дело на него за отсутствием состава преступления прекращено.

Военный прокурор отдела ГВП
Подполковник юстиции
П/п (Караскуа)

Помимо прямого содержания этого крайне небрежно составленного обвинения, внимание останавливается на датах прохождения по инстанциям приведен-

ной переписки. Архитектор Руднев написал свою сопроводительную записку к Кл. Ворошилову 5 февраля 1954 г. Письмо Ахматовой написано 8 февраля. В секретариате Президиума оно зарегистрировано 10 февраля, а резолюция Ворошилова в верхнем левом углу письма Ахматовой начертана 12 февраля. Возможно, что Ворошилов использовал этот двухдневный промежуток для получения инструкции Н. С. Хрущева, как быть с Ахматовой, имя которой продолжало быть одиозным. Кстати говоря, Анна Андреевна, догадавшись о подобной заминке, вскоре имела случай убедиться в правильности своей догадки. В мае того же 1954 года на встрече писателей Зощенко и Ахматовой с оксфордскими студентами сидевший рядом с ней партийный литературный критик А. Л. Дымшиц успел попутить ей, что разгромное постановление 1946 года сохраняет свою полную политическую силу. Я помню, как сокрушалась тогда Анна Андреевна из-за того, что не могла предупредить об этом Михаила Михайловича: он был отделен от нее сидящими в том же ряду другими сановными писателями. Нельзя же было к нему подойти на виду у всей публики.

Дата письма Руденко свидетельствует о ничтожном влиянии Ворошилова на действующую тогда администрацию. Несмотря на начальственный тон резолюции Председателя Верховного Совета, Генеральный прокурор отвечает ему лишь 5 июля 1954 г., то есть пять месяцев спустя. Что касается существа расширенного постановления Прокуратуры СССР о деле Л. Гумилева, то оно интересно как образец сочинений подобного рода документов. Так, говоря о том, что после возвращения из первого лагеря в 1944 г. Гумилев сохранял враждебные настроения против советской власти, они переворачивают дату его освобождения — он вышел из первого лагеря в 1943 г., а главное, умалчивают о его добровольном участии в Великой Отечественной войне в 1944—1945 гг. Уверяют, что у себя на квартире он произносил перед студентами контрреволюционные речи и т.д. Но у Льва Николаевича не было своей квартиры, он жил вместе с матерью у Пунина, и лишь с 1936 года ночевал у своего приятеля Акселя (не знаю фамилии). Иными словами, он ушел из дома Пунина непосредственно после первого ареста в 1935 г., когда Пунин тоже был арестован, но оба были выпущены Сталиным (подробно об этом говорилось в публикации в девятой книге «Знамени»). Об этом важнейшем эпизоде в отказе Генерального прокурора вообще не сказано ни слова. Но о показаниях Н. Н. Пунина против Л. Гумилева здесь говорится. Пути их вновь скрестились в тюрьме только в 1949 г., когда Гумилева взяли в третий раз, а Пунина во второй, за два месяца до Левы. Тогда он был уже постаревшим, полуслепым человеком. Анна Андреевна тяжело переживала его арест, жалела его. В тот август Пуниных не было в городе, Анна Андреевна и Николай Николаевич оставались почти одни в квартире. Пунин предчувствовал или ждал ареста. Он говорил Анне Андреевне: «Они прячутся за деревьями...». Спускаясь уже под конвоем по лестнице, он произносил тоскливо: «Акума, Акума...». Так рассказывала мне Анна Андреевна. Она тяжело переживала арест Пунина, жалела его. Дополнительную тяжесть приносила ей явная напряженность в отношениях между сыном и Луниным, возникшая уже после первого ареста. Очевидно, какие-то основания были, если в решении Прокуратуры глухо сказано о показаниях Пунина против Левы.

Но еще более тягостное впечатление производит упоминание о Мандельштаме, тоже свидетельствовавшем против Льва. Очевидно, тут имелись в виду показания Осипа Эмильевича при его первом аресте за политическую сатиру на Сталина. Среди благосклонных слушателей этого стихотворения Мандельштам назвал Льва Гумилева («одобрил вещь неопределенно-эмоциональным выражением, вроде «здорово»).

В перечислении Левиных преступлений мне представляется чистой выдумкой указание на его разговоры о свободе печати, о положении писателей и, особенно, о постановлении 1946 года. Лева клятвенно уверял меня и очень гордился, что ни разу ни с кем никогда ни слова не произнес об этом злосчастном постановлении. А о литературе он мало беспокоился, все его помыслы были обращены на науку.

Как бы то ни было, публикуемые здесь документы имеют первостепенное значение. Помимо несомненного исторического интереса, они ставят точку на одной из центральных проблем биографии Ахматовой. Обвинения ее в бездействии в пору заключения сына беспочвенны. Спасти его было не в ее возможностях. Хлопоты о нем она начала именно так, как ей указывал Лев, не подозревавший, вернее нарочито забывавший о ее шатком общественном и политическом положении. Теперь, я надеюсь, этот вопрос не будет больше ставиться в биографической литературе об Анне Андреевне Ахматовой.

Мне, как исследователю, дает огромное удовлетворение само появление таких завершающих и разъясняющих откликов на мою работу. К их числу принадлежит

и небольшой мемуарный фрагмент, вызванный к жизни другой главой из той же моей статьи в девятой книге «Знамени» за минувший год. Речь идет в ней о сложных и отчасти загадочных взаимоотношениях Сталина и Бориса Пастернака. Я соединяю в одну линию несколько известных разрозненных фактов. В частности, это позволило мне по-новому осветить смысл телефонного разговора Сталина с Борисом Леонидовичем по поводу ареста Мандельштама. Напомню, что началом намеченной мною линии я считаю трагический эпизод 1932 года — убийство или самоубийство Аллилуевой — жены Сталина. Тогда Пастернак к общему соболезнующему письму писателей добавил свою отдельную записку, обращенную к Сталину не как к политическому лидеру, а как к страдающему человеку. В нашей литературе существует несколько толкований этого неповторимого по стилю и содержанию маленького послания. Однако мне не встречалось в этих обсуждениях признание о возможном влиянии этой записки на позднейшие случаи общения Пастернака со Сталиным. Но и тут ко мне пришел ободряющий отклик на выдвинутую мною версию. Он заключен в дружеском письме ко мне Татьяны Максимовны Литвиновой, дочери бывшего наркома иностранных дел. Переводчица и художница, жена скульптора И. Л. Слонима, она, естественно, была хорошо знакома с Эренбургами, бывала в их доме. Она передает свой разговор с писателем о характере заочных взаимоотношений Сталина и Пастернака. Разговор шел в пору преследования Пастернака за роман «Доктор Живаго». С разрешения Т. М. Литвиновой привожу выдержку из ее письма от 29 декабря 1995 года:

«...О Пастернаке. Эренбург как-то, когда мы обсуждали, отчего же все же его не посадили, говорил мне, что у самого Б<ориса> Л<еонидовича> была теория, что чекисты не могли поверить, что он давно не сидит, и что тот Пастернак, что живет в Переделкине — не тот Пастернак, что давно ими стноен. «На самом деле, — сказал Эр<енбург>, — дело может быть вот в чем».

И рассказал мне об «аллилуевском» письме (аллилуйя!), но у меня от его рассказа сложилось впечатление, что это была не приписка, а длинное, пастернаковско-«муторное» (до-бухаринское?) письмо, и что в его описаниях своих бессонных размышлений фигурировала, как основная мысль: как должен чувствовать личную трагедию надличный человек-Вождь. Главное же, что утверждал Э., — что это письмо лежало будто бы под стеклом письменного стола в кабинете Сталина. И будто этого было достаточно для «тонкошейх» — не трогать П<астернака>.

Так ли все это фактически, не знаю. Но что психология холуев такова, свидетельствую. Когда папу выводили из состава ЦК (42 й г) с какими-то вздорными обвинениями — он был в зале (Колонном? Нет, вероятно), а вся когорта во главе со Ст<алиным> — в президиуме, папа вскочил и закричал: «Вы меня за врага народа считаете?» — Сталин уже встал из-за стола и направлялся к кулисам, вся гусеница за ним. Он повернулся вполоборота, с трубкой в руках и ответил (медленно, раздумчиво, мне кажется из папиного рассказа): «Мы вас за врага народа нэ считаем».

Вот эти золотые слова (на несколько лет) служили (в глазах «тонкошейх») как бы индульгенцией: не считать/не сажать.

Так же — если это было так — на них должен был бы влиять факт письма под стеклом».

Дело не в том, лежало ли письмо Пастернака на письменном столе Сталина под стеклом, а в том, что в кругах, близких к власти, такое предположение существовало. Исторического значения этот эпизод, вероятно, не имеет, но психологически врсыма значителен. В этой связи Татьяна Максимовна продолжает:

«...И еще к «Пастернаку»:

Когда я в дневнике К<орнея> И<вановича> читала об их (т е. Чуковского и Пастернака. — Э. Г.) искренней любви к «вурдалаку», я подумала — ведь это истерика. И еще, что подо всем этим все же был и страх — «страх Божий». Сужу по себе, по своему впечатлению, когда — единственный раз слышала и видела Сталина, выступавшего на съезде (1936?) по поводу конституции. Я его обожала! Власть — всевластность — желание броситься под колесницу Джаггернаута Отец, Бог — полюби меня!».

Некоторые мои друзья упрекали меня за то, что я расширила тему моей статьи об Ахматовой и ее сыне сюжетом «Сталин — Пастернак — Мандельштам». Но я остаюсь в уверенности, что вводить новые штрихи в разговор об уже известных событиях полезно и даже необходимо. Это оживляет воображение читателя, следовательно, открывает новый ход для его мысли и приближает к познанию истины.